

Е. Ю. Казакова-Апкаримова
ИИиА УрО РАН, г. Екатеринбург

СТОЛИЧНОСТЬ ЕКАТЕРИНБУРГА: У ИСТОКОВ МИФА

«Очень много в России претендентов на столичность... Казань к примеру. Новосибирск. Екатеринбург как столица Уральской республики до сих пор воспринимается в Москве как страшный сон неспокойных 1990-х гг.», — отмечает исследователь А. А. Овсянников, понимая под столичностью особый социокультурный смысл (признание в культуре, в науке, в религии или в политике каких-либо исключительных или уникальных свойств города)¹. В начале XXI в. активизировался миф о «Екатеринбурге – третьей столице», что изначально предполагало актуализацию смысла уникальности, отличительности от других городов. Свердловск и в советскую эпоху, обладая промышленной и интеллектуальной мощью, сформировал особый вид культуры, во многом противостоящий авторитарности центральной власти. Уральский специалист Е. Г. Соболева пишет: «В символическом поле политики миф о столице Урала как инструмент политического манипулирования позволял ответить на потребности массовой аудитории в самоуважении, которое так унижалось и угнеталось в годы прежнего режима: «Если я живу в столице, значит, я чего-то достиг, я чего-то стою. А наша – уральская – столица противостояит центральной, в которой правит коррупция, несправедливость»². В условиях построения новой России миф о «третьей столице» появился в ответ на потребность общества в идентификации нового субъекта политики – общности людей, объединенных единой историей и территорией. Миф «Екатеринбург – третья столица», подчеркивает Е. Г. Соболева, технологичен, искусственно создан. Однако не следует забывать о том, что этот миф имеет исторические живые корни. Миф о столичности Екатеринбурга («столице Урала») являлся яркой особенностью общественного сознания горожан уже в конце XIX – начале XX вв.

Журналист, краевед В. А. Весновский, выпускавший путеводители по Екатеринбург и Уралу, писал: «К столице Урала, как привыкли величать свое детище екатеринбуржцы, ведут три пути современного типа: от Перми, Тюмени и Челябинска»³. Современники подчеркивали выгодное географическое положение города (на границе Европы и Азии). Еще один журналист, краевед И. Г. Остроумов в конце 80-х гг. XIX в. подчеркивал, что «благодаря своему центральному положению среди уральских горных заводов и нахождению на пути из Европейской России в Сибирь, Екатеринбург имеет две железные дороги: ураль-

скую – Горнозаводскую, соединяющуюся в Перми с Камой, и Тюменскую, представляющую из себя часть магистрального пути из центральной России в далекую Сибирь»⁴. Идеи евразийства и, соответственно, особого статуса города в геополитическом пространстве страны и мира активно воспроизводятся и современными массмедиа⁵.

Известный уральский писатель Д. Н. Мамин-Сибиряк увидел еще одну яркую особенность Екатеринбурга: «на него со всех сторон надвигаются пригородные селения, как Уктус, Шарташ и особенно Верх-Исетский завод. Ряд заимок, дач, мельниц и заводов составляют отдельные звенья одной живой цепи, которая тянется на десятки верст по течению р. Исети... Екатеринбург в этом случае представляет редкое исключение, являясь действительно «живым узлом» целой области»⁶.

Примечательно, что концепт «столица Урала» активно использовался не только самими екатеринбуржцами. Например, геолог-почвовед П. А. Земятченский, посетивший Екатеринбург в группе экспертов, командированных правительством на Урал в 1899 г. с целью определить основные принципы хозяйственной политики в крае, критиковал Екатеринбург и амбициозность екатеринбуржцев: «Екатеринбург называют столицей Урала. Нельзя сказать, чтобы он производил впечатление, соответствующее названию. Или столица плоха сама по себе, или Урал плох, и для него Екатеринбург годится в столицы. Говорят, «по Сеньке шапка!». Правда, город большой, но какой-то унылый, сонный. Как будто он и обустраивается, и как будто разрушается. Особенно неприятное впечатление производит набережная городского пруда, в сущности самой красивой части города... В городе довольно много больших хороших построек, но нет жизни, движения... Правда, я был в Екатеринбурге летом, но для большого торгового или промышленного города не должно быть каникул. Спит Урал, спит и его столица»⁷.

Впрочем, даже скептически настроенный современник сменил гнев на милость при более глубоком знакомстве с социокультурной жизнью города: «В Екатеринбурге есть одно достойное внимания учреждение, говорящее, что и здесь есть действительная интеллигенция – это музей Уральского общества любителей естествознания. В нем собрано много прекрасного материала, освещающего естественные богатства края»⁸. Горячий патриот Перми, активный сотрудник «Екатеринбургской недели» И. Г. Остроумов тоже был достаточно объективен в оценке значения УОЛЕ в общественной жизни Екатеринбурга и всего Уральского региона: «Как на редкое явление для уездного города, нельзя не указать на имеющееся в Екатеринбурге ученое общество – Уральское общество любителей естествознания, считающее в своем составе весьма значительное количество членов вообще и не малое количество членов де-

ятельных, благодаря чему и получилась возможность добиться скромному обществу всеобщей известности, устроив обширную Сибирско-Уральскую научно-промышленную выставку»⁹.

Краеведческое движение в целом (и УОЛЕ в частности) немало способствовало росту авторитета Екатеринбурга как культурного центра Урала. УОЛЕ действовало в «горнозаводской столице Урала» с 1870 г., занимаясь широкой научно-исследовательской, собирательской, культурно-просветительской, издательской работой. В одном из томов «Записок Уральского общества любителей естествознания» был опубликован доклад комиссии, посвященный вопросу открытия высшего заведения на Урале. В докладе подчеркивалось, что Екатеринбург являлся «центром местной промышленной и умственной жизни края», сообщалось, что в УОЛЕ к тому времени насчитывалось уже до 400 членов, обществу принадлежали библиотека в 25 000 томов и богатый музей, пользовавшийся «всемирной известностью с его превосходными коллекциями по минералогии»¹⁰.

И. Г. Остроумов, будучи литературным оппонентом Д. Н. Мамина-Сибиряка в полемике о будущем Перми и Екатеринбурга, отмечал горячую любовь Дмитрия Наркисовича к Екатеринбургу, который, восхищаясь, называл его не только промышленным, но и умственным центром Урала¹¹. Впрочем, и сам И. Г. Остроумов считал, что, если «сравнить этот уездный город с прочими русскими уездными городами, то он весьма многие из них оставит позади себя во всех отношениях. Екатеринбург свободно можно сравнивать даже со многими губернскими городами, тем более, что у него есть свое, особое от губернского, епархиальное начальство, окружной суд с тремя отделениями, дворянская опека, полицмейстер с двумя частными приставами; в нем находится управление горною частию на Урале; существует три печатных органа, один из которых – «Екатеринбургская неделя» – вступает уже в десятый год своей жизни, работает шесть типографий, две литографии и т. д. и т. п.»¹².

Д. Н. Мамин-Сибиряк предвидел повышение статуса города: «Образование самостоятельной екатеринбургской епархии в 1887 году служит предвестником имеющейся открыться екатеринбургской губернии, – последнее, без сомнения, составляет только вопрос времени»¹³. Екатеринбург в конце XIX – начале XX вв. становился неформальным религиозным центром, о чем свидетельствуют факты общественной жизни, например, значительное число религиозных общественных организаций¹⁴.

Оживление мифа о Екатеринбурге как столице Урала наблюдалось в условиях ослабления или кризиса национальной или гражданской идентичности и, как следствие, усиления региональной идентичности и формирования уральского областничества, в основе концепции кото-

рого лежала идея особого (автономного) развития региона в составе российского государства. «Дорогая Риточка. Теперь мы с тобой обе счастливы – исполнилось наше желание жить в столице», – начинался фельетон «Из переписки подруг», опубликованный в газете «Горный край» в 1918 г. Его автор иронизировал по поводу политических амбиций Омска и Екатеринбурга в связи с появлением областных правительств. Героиня фельетона горячо доказывала: «Правда, ты скажешь, что только твой Омск – столица, а наш Екатеринбург – ничто. Так ты ничего не понимаешь: у нас и сейчас еще все арки для встречи правительства целы, приготовлены также десятки приветственных речей и вообще... Правда, кузен Поль дразнит меня, называя Екатеринбург «без пяти минут столица», но я знаю, в чем дело: он партии ка-дэ, и имеет свои причины радоваться, что столица не здесь». Далее в письме сообщались «столичные» новости: прежде всего то, что «уральского правительства больше не будет», другие важные для общественной жизни города события, в частности, возникновение литературно-художественного кружка. В описании «Злого», автора фельетона, написанного в соответствующей жанру манере, проступают реальные контуры оживления общественной жизни Екатеринбурга. Зизи сообщает Риточке: «Я уже записалась (в литературно-художественный кружок – *Е.К.*) по совету моего *Н.* Вообще, он меня заставил повсюду записаться: в общество уральских областников, в Общество изучения Урала, в Общество для исследования уральского народного эпоса, в общество для ловли мух на Уральском хребте. Не знаю уж, как буду всюду поспевать. *Н.* успокаивает, но возлагает на меня большие надежды. Говорит, что его карьера обеспечена, если удастся вывести на свет Божий «сепаратистские вожеления»¹⁵.

В Екатеринбурге, ставшем центром уральского областничества, действовало Общество изучения Урала (общества уральских областников). Основной задачей общества провозглашалось развитие идеи областничества и распространение ее на Урале. Предусматривалось многостороннее («со стороны естественно-исторической, общественно-политической и хозяйственно-экономической») освещение этой идеи. У истоков уральского областничества стояли учредители Общества изучения Урала (разработчики устава общества): С. А. Груздев, А. В. Мурашев, Г. Г. Младов, А. А. Кошечев, И. А. Перльман, С. А. Кожухов, А. М. Холонин, Х. Холонина, Т. А. Перльман, А. В. Заложнев, А. С. Заспанов, Ф. Мялицын, Д. Янин, С. Котельников, И. Блинов, И. Чирков, И. Г. Александров, К. А. Колпаков, С. Путин, М. Смирнов, П. Ф. Данилов, П. Савин, С. А. Удинцев, Д. Ф. Гибалин¹⁶.

Уральские областники проектировали Уральский регион как обширную административную единицу. С. А. Груздев в докладе «Урал и

его будущее», сделанном 12 октября 1918 г. в зале Народного университета, отбросив обвинения в сепаратизме, заявил, что «Урал как штат единой Великодержавной России» представляется ему «не в виде только горнозаводского Урала, а в виде обширнейшей области, простирающейся от Ледовитого океана до Аральского моря»¹⁷. В докладе «о границах области Урала с точки зрения административного управления», поданном главноуправляющим по внутренним делам в Совет Временного областного правительства Урала предлагалось руководствоваться при определении границ Уральской области не только «национально-культурно-экономическими соображениями», а, «быть может, больше всего» соображениями государственными. В докладе признавалось наличие смежных с уральским пространством крупных административных единиц (Сибирь и объединенных самарским правительством центральных губерний), но «не принимались во внимание самоуправляющиеся единицы, какими являлись казачьи и башкирские земли», подчеркивалась недопустимость «с точки зрения общегосударственных интересов дробить Россию на множество мелких автономных единиц». Территория Уральской области должна была охватить Глазовский, Сарапульский и Слободский уезды Вятской губернии, Пермскую, Уфимскую и Оренбургскую губернии, «на востоке отодвинуть границу до р. Оби, охватив Курганский, Ялуторовский, Тюменский, Туринский и часть Березовского уездов, на севере включить в область полуостров Ямал, острова Новой Земли. Северо-западная граница должна была пройти от «точки соединения Пермской губернии с Вятской на Усть-Сысольск и, охватив весь Тиманский хребет, выйдет на южную часть Ческой губы». К области предлагалось присоединить и остров Колгуев»¹⁸. Идея «Большого Урала» спустя несколько лет (в 1923 г.) уже в других исторических условиях была положена в основу создания Уральской области, административным центром которой стал Екатеринбург.

Можно видеть, что миф о столичности Екатеринбурга имеет давнюю историю. Время от времени возрождаются многие стереотипы общественного сознания горожан, когнитивный компонент которых в своей основе достаточно устойчив. Очевидно, что столичная идентификация исторически была тесно связана с ростом регионального самосознания.

Примечания:

¹ Овсянников А. А. Социология столичности: смыслы и стратегии // Вестник МГМИО-Университета. 2009. № 5. С. 3.

² Соболева Е. Г. Формирование мифа «Екатеринбург – третья столица» в текстах СМИ // Литература Урала: история и современность. Сб. ст. Вып. 2. Екатеринбург, 2006. С. 97.

- ³ Злоказов Л. Д., Семенов В. Б. Старый Екатеринбург. Город глазами очевидцев. Екатеринбург, 2000. С. 499.
- ⁴ Там же. С. 390.
- ⁵ Соболева Е. Г. Указ. соч. С. 100.
- ⁶ Злоказов Л. Д., Семенов В. Б. Указ соч. С. 420.
- ⁷ Там же. С. 513.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Там же. С. 391.
- ¹⁰ Записки Уральского общества любителей естествознания. Т. XXX. Екатеринбург, 1910. С. 8.
- ¹¹ Митрофанова Л. М. «Урал», «Зауралье», «Россия» и «Сибирь»: перекресток понятий в творчестве Д. Н. Мамина-Сибиряка // Литература Урала: история и современность. Сб. ст. Вып. 4. Екатеринбург, 2008. С. 130.
- ¹² Злоказов Л. Д., Семенов В. Б. Указ. соч. С. 391.
- ¹³ Там же. С. 421.
- ¹⁴ Казакова-Апкаримова Е. Ю. Формирование гражданского общества: городские сословные корпорации и общественные организации на Среднем Урале во второй половине XIX – начале XX в. Екатеринбург, 2008. С. 204–260.
- ¹⁵ Горный край. 1918. 18 (5) декабря. № 17. С. 3.
- ¹⁶ Горный край. 1918. 6 (23) декабря. № 6. С. 3.
- ¹⁷ Урал. 1918. 19 (6) ноября. № 2. С. 4.
- ¹⁸ ГАСО. Ф. 1951 рс. Оп. 1. Д. 8. Л. 40–41.